

DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.006

УДК 94(470.344):69

В.В. ОРЛОВ

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Частного учреждения высшего образования
«Институт государственного администрирования»,

Россия, г. Москва

E-mail: orlov.stoliva@mail.ru

SPIN: 6459-7210

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5268-7594>

Н.Б. СМИРНОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник
секции истории исторического направления

Чувашского государственного института гуманитарных наук,

Россия, г. Чебоксары

E-mail: da7771@yandex.ru

SPIN: 4695-9894

ORCID <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>

НОВОЕ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ В ЧУВАШИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СУДЬБЫ ИНЖЕНЕРА-СТРОИТЕЛЯ НАРКОМАТА КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ А.А. АНДРОННИКОВА

Цель исследования – изучить особенности проведения репрессий в строительной отрасли Чувашии сквозь призму судьбы ее представителя, главного инженера Чувашипроекта, а впоследствии инженера-строителя Наркомата коммунального хозяйства республики А.А. Андронникова.

Статья написана на основе изучения научной литературы и архивных материалов. Для реконструкции исторических событий, связанных с репрессией в строительной отрасли Чувашии, использовалось следственное дело из фонда Министерства государственной безопасности (Ф.Р. 2669), хранящееся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики [4]. Архивно-следственные дела (протоколы допросов, обвинительное заключение, материалы переписки и др.) позволяют полнее раскрыть механизм реализации репрессивных мер, глубже понять проблемы массовых репрессий в отношении инженерно-технических кадров.

Среди использованной научной литературы наибольшее значение для проведения исследования имели труды таких отечественных и зарубежных историков, как В.Э.

Багдасарян, О.В. Хлевнюк, Ш. Фитцпатрик, В Хаустов, Л. Самуэльсон и др., в которых дан комплексный анализ репрессивной политики, механизмов взаимодействия и взаимовлияния Сталина и главного карательного ведомства страны – ГУГБ НКВД СССР в организации массовых репрессий, организации открытых судебных процессов над «вредителями в сельском хозяйстве» и в других отраслях народного хозяйства. Отдельные вопросы, связанные с отражением репрессивной тематики в региональной исторической литературе, рассмотрены в статье одного из авторов [8. С. 55-82].

Методической основой исследования стали принципы историзма, системности, объективности и комплексности, а также общенаучные и специальные исторические методы, позволившие реконструировать историю репрессивной политики на региональном материале.

В статье показано, что в годы довоенных пятилеток в Чувашии шло масштабное строительство промышленных и гражданских объектов. Но ни одно крупное предприятие не было сдано в срок и не вышло на проектную мощность. Недоделки и брак в строительной отрасли носили системный характер, обусловленный авральным характером проведения работ и «штурмовщиной», необеспеченностью кадрами, материалами, оборудованием и техникой. Власти причину срывов сроков сдачи объектов видели в отсутствии напористости со стороны руководства, слабом овладении ими техникой организации строительства предприятий, в изъянах в подборе инженерно-технических и рабочих кадров, которые вели к несвоевременному оформлению проектно-сметной документации, получению кредитов, завозу стройматериалов, превышению сметной стоимости. Для карательных органов основные причины провалов в строительной отрасли – вредительская деятельность «врагов народа». Поводом для репрессий в отношении инженера-строителя А.А. Андронникова являлось обвинение его во «вредительской деятельности» после обнаружения незначительных дефектов при возведении зданий и сооружений. «Вредительство на стройках» вкупе с критическими высказываниями в адрес советской власти и руководителей Советского государства легли в основу обвинительного заключения и решения Особого совещания при НКВД СССР о его расстреле.

Ключевые слова: политические репрессии, «вредительство в строительстве», «враги народа», «тройка», «бывшие», высшая мера наказания.

Введение. Актуальность исследования определяется важностью изучения массовых репрессий, которые вошли в историю СССР как символ преступлений сталинского режима против народа. Хронологические рамки репрессий охватывают 1920-е – начало 1950-х гг., которые затронули практически все социальные, политические, конфессиональные и национальные группы и все районы страны. После «архивной революции» 1990-х гг. появились солидные исследования, в которых объективно раскрывались причины, ход, этапы, направленность и последствия массовых репрессий. Большую ценность в изучении темы представляют архивно-следственные дела. В них наряду с абсурдными обвинениями в шпионской, вредительской, заговорщической, контрреволюционной деятельности, полученных преимущественно пытками и насилием, имеются ценные

сведения о положении дел в различных отраслях народного хозяйства, внутренней и внешней политике Советского государства. Эта информация позволяет получить более полную картину массовых политических репрессий.

В 1926 г. руководство Чувашской АССР пришло к плачевному выводу: в существующих территориальных рамках чувашский народ обречен на нищенское существование. Отсутствие крупных городов и культурных центров, малоземелье, доминирование бедных слоев населения (почти $\frac{3}{4}$ крестьянского социума), слабое развитие промышленности, транспорта, связи и торговли, являвшихся следствием объединения в автономию территорий со сплошным чувашским населением, лежали в основе этих неутешительных умозаключений. Ни политика «военного коммунизма», ни новая экономическая политика не привели к выходу Чувашии из системного кризиса, что зафиксировано в постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 августа 1928 г. При этом федеральными властями главенствующее место в развитии экономики автономной республики отводилось сельскому хозяйству и кустарному производству, а фабрично-заводской промышленности придавалось лишь вспомогательное значение как «рычага» для восстановления сельского хозяйства [7. С. 388-391].

Однако в тех конкретно-исторических условиях единственный путь выхода республики из системного кризиса, преодоления массовой бедности населения заключалась в осуществлении политики форсированной индустриализации, решительного скачка в промышленном производстве путем строительства новых предприятий и реконструкции действующих, использующих местное сырье и кадры. На решение этих ключевых задач были направлены довоенные пятилетние планы. Всего в годы первой, второй и три с половиной года третьей пятилетки преимущественно из союзного и федерального бюджетов было направлено капитальных вложений в народное хозяйство Чувашской АССР в размере 62,8 млн руб. в ценах на 1 июля 1955 г., что почти в 18 раз больше инвестиций за 1918-1928 гг. [13. С. 50]. На эти средства велось строительство таких крупных по масштабам того времени объектов промышленности, как Шумерлинский деревообрабатывающий и Козловский домостроительный комбинаты, Шумерлинский дубильно-экстрактовый завод «Большевик», Вурнарский фосфоритный завод, Аликовский пенькозвод, Канашский вагоноремонтный завод, Чебоксарский завод резино-технических изделий, ряд кирпичных заводов и др. Шло строительство жилых домов барачного типа при заводах, школах, техникумов, институтов, больниц, клубов.

Строительство ударных объектов социализма шло очень напряженно практически в авральном порядке в силу объективных и субъективных причин. В партийных документах тех лет отмечается неудовлетворительная организация планирования и производства строительных работ, плохое снабжения материалами, несвоевременное оформление проектно-сметной документации, нерациональное распределение финансов [6. С. 21]. Фактическая стоимость возведения наиболее крупных объектов пятилеток – комбинатов в Козловке, Шумерле и дубильно-экстрактового завода «Большевик» оказалась почти в 3 раза

выше плановой [3. С. 38]. Практически все работы производились вручную, первые машины и механизмы в отрасли появились лишь в годы третьей пятилетки. В 1938 г. в строительных организациях республики имелось только 4 скрепера и 2 камнедробилки, что показывает крайне низкий уровень механизации строительных работ [13. С. 59]. Основным источником пополнения рядов строителей служило сельское население. Низкая квалификация и грамотность вчерашних селян, уравниловка в заработной плате, игнорирование культурно-бытовых запросов рабочих, необеспеченность их жильем вели к текучести кадров, недоделкам, выходу техники из строя, простоям оборудования. Поэтому ни один объект строительства не был введен в эксплуатацию в плановые сроки.

Результаты исследования. Алексей Андреевич Андронников родился в 1897 г. в деревне Андреево-Базары Цивильского уезда, ныне Козловского муниципального округа Чувашской Республики. В 1914 г. окончил Цивильское начальное училище, в 1917 г. – Казанское техническое училище. В том же году поступил в Казанский политехнический институт. Но ввиду ликвидации учебного заведения он был переведен в Томский технологический институт, который окончил в 1926 г. После вернулся в Чебоксары и стал работать в управлении коммунального хозяйства НКВД, где трудился до 1930 г. С 1930 по 1932 г. трудился в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, с 1932 по 1938 г. – инженером по строительству, главным инженером конторы «Чувашпроект». В 1938–1941 гг. – инженером по строительству в наркомате коммунального хозяйства Чувашской АССР [4. Л. 68].

Хроника репрессий. Первый раз в поле зрения советских правоохранительных органов А.А. Андронников попал еще в 1920 г. Тогда он работал в Казани председателем губернского комитета по производству и учету строительных материалов. Наряду с прочими строительными материалами комитет взял на учет бутовый камень, который принадлежал губернскому земству. Затем этот камень был продан управлению строительства по укреплению берега Волги около Ульяновского моста. Но вскоре на этот камень предъявил права Комитет государственных сооружений по дорожному управлению и затребовал возвращения вырученных от продажи камня денежных средств, что и было сделано. Итоговая стоимость бутового камня составляла 8 000 руб. в золотом исчислении, которую поделили между собой руководители Комитета государственных сооружений, затем они были арестованы за эту сделку. Хотя А.А. Андронников не имел никакого отношения к Комитету государственных сооружений, но был обвинен в соучастии, затем приговорен к 10 годам лишения свободы. Через полтора года был освобожден по амнистии [4. Л. 70].

В 1928 г. сотрудники ОГПУ второй раз привлекли А.А. Андронникова к ответственности за неполадки, допущенные в ходе строительства Канашской глазной лечебницы. Но, в конечном счете, он получил лишь общественное порицание, т.е. очень легко отделался. Затем, в 1930-е г. он работал на разных должностях при строительстве Дома печати, чебоксарской школы № 4, корпуса педагогического института и др. Однако общественное порицание еще не означало

получение индульгенции от репрессивных мер со стороны карательных органов советской власти.

Третий раз А.А. Андронников был арестован 24 июня 1941 г. и помещен в Чебоксарскую тюрьму № 1. Первоначально его дело было объединено с делом участников ликвидированной в июне 1935 г. НКВД преступной группы из «старой интеллигенции» Чебоксарского музыкально-театрального техникума. Семь учащихся техникума тогда были обвинены в организации «бандшайки» и создании «тайного кружка под видом изучения философии, в котором активно впитывались антипартийные и антисоветские взгляды на марксизм». Приговор, вынесенный обвиняемым, был крайне суровым: одного приговорили к расстрелу, остальных – от 2 до 10 лет лишения свободы [5. С. 182]. За А.А. Андронниковым сохранялось обвинение в антисоветской агитации, но, видимо, не подтвердились его связи с этой группой. Поэтому его дело было выделено в отдельное производство.

Состав преступлений, вменяемых А.А. Андронникову, оказался достаточно внушительным. Прежде всего, его обвиняли во вредительской деятельности в составе контрреволюционной группы, в преступном отношении к строительству новых объектов, допущении в них различных дефектов. В частности, во время строительства Дома печати им «вместо рубероидной кровли под видом временной было использовано старое, ржавое, дырявое кровельное железо и частично куски порванного толя». В результате во время дождей внутри здания образовалась огромная лужа, в связи с чем в каменных стенах пришлось делать отверстия для слива воды на улицу. Несмотря на имевшие место сигналы и предложения технических комиссий, А.А. Андронников «сознательно не заменил кровлю, из-за чего дождевая вода поступала внутрь помещения» [4. Л. 144 об.].

При строительстве Издательского корпуса типографии он «умышленно допустил подмывку фундамента поверхностными водами, в результате чего произошло разрушение стены восточной лестничной клетки, грозившей обвалом всего здания». Во время возведения здания педагогического института из-за вредительских действий А.А. Андронникова и отсутствия соответствующего технического надзора «была допущена умышленно кладка простенков цокольного этажа с наличием больших швов в кладке на очень плохом растворе. В результате произошло разрушение почти всех простенков». Если бы вовремя не были приняты меры, то могла бы обрушиться вся стена. Во время строительства Чебоксарской школы № 4 в штукатурке «во вредительских целях» применялась некачественная известь, в течение двух месяцев умышленно не закапывалась траншея, проходящая вдоль стены на расстоянии 1 метра, по которой текли в большом количестве дождевые сточные воды и подмывался фундамент здания, вследствие чего произошла осадка фундамента и разлом стены». Также «в целях уничтожения пожаром всего здания» им была допущена «укладка балок междуэтажного перекрытия в пределах дымовых труб» [4. Л. 144об.].

Кроме того, А.А. Андронников понес наказание и за халатную деятельность других строителей. Так, инженер Наркомхоза Чувашской АССР, на которого был

возложен контроль за производством работ по строительству Чебоксарского водопровода, продолжал «свою преступную деятельность, в результате чего по его вине из-за непринятия соответствующих мер линия на участке протяженностью 110 метров по улице Плеханова уложена в зоне промерзания грунта, что приводит к ежегодной подсыпке этой линии снегом». А.А. Андронников «знал, что водопроводная разводящая сеть строилась с умышленным отступлением от технических норм, но конкретных мер к предотвращению этого не принял». В результате чего «произошло более 50 аварий, повлекших за собой дополнительные капиталовложения и нарушения нормального снабжения города водой... Построенная водопроводная сеть в городе Чебоксары к эксплуатации в полной мере непригодна, вследствие чего население города часто остается без снабжения водой» [4. Л. 311].

Следствие, стремясь придавать объективный характер обвинительному заключению, назначило ряд экспертиз. В частности, в целях разрешения ряда технических вопросов по объектам строительства, которые осуществлялись под руководством или при участии А.А. Андронникова, была создана экспертная комиссия из специалистов в строительной отрасли. Комиссией были составлены акты, изобличающие строителя в преступной деятельности.

После ареста А.А. Андронников попал в камеру с доносчиками, которые постоянно докладывали содержание разговоров с ним администрации тюрьмы. В результате к многочисленным пунктам его обвинения добавился еще один – «систематическая контрреволюционная агитация, проводимая среди сокамерников, выражение недовольства советской властью, жизнью в СССР, террористические намерения в адрес руководителей ВКП (б) и советского правительства, восхваление фашистского режима» [4. Л. 309]. В 1939 г. А.А. Андронников, якобы, заявил, что «много прежних руководителей пересажали, однако все равно улучшения нет, народ голодует и против этого ничего нельзя сказать, так как в стране царит террор. Видимо, коммунизм будет построен после того, когда весь народ пропустят через тюрьмы» [4. Л. 15]. В декабре 1940 г. он, будто бы, остро высказывался о германо-датском договоре и событиях в Финляндии. Считал, что «обстрел финнами наших войск только выдумка с целью захвата Советским Союзом Финляндии, а договор СССР с прибалтийскими государствами показывает агрессивную сущность Советского Союза... Дания хотя и оккупирована Германией, но имеет независимость, так как Германия не навязывает ей свой режим. А Советский Союз не успел ввести свои войска на территорию Литвы, Латвии и Эстонии, как уже устанавливает там свой политический строй» [4. Л. 15].

Ознакомление с следственными материалами показывает нестыковку обвинений А.А. Андронникова «в преступном отношении к новому строительству и допущении в них различных дефектов» с «систематической контрреволюционной агитацией и террористическими намерениями в адрес руководителей партии и Советского государства», это как бы явления из разных «орбит». Но известно, что во время массовых операций следствие не могло получить необходимое количество доказательств. Основой обвинительных материалов

в следственных делах были признания, «выбитые» на следствии [12. С. 337]. Задача следствия состояла не в выявлении реальных противников советской власти, а в репрессировании по признаку социальной, национальной, политической принадлежности. Поэтому следствие к хозяйственным преступлениям обвиняемых добавляло критику внутренней и внешней политики руководства страны, что приравнивалась к антисоветской агитации и пропаганде и неизбежно вело к самым трагическим последствиям. В предвоенные годы в условиях разжигания борьбы с «контрреволюцией» и «агентами иностранных разведок» в наибольшей степени пострадало население страны, простые граждане [11. С. 274-275].

В связи со сложностью следственного процесса и работой по данному делу экспертной комиссии, сроки ведения следствия продлевались два раза. Наконец, 29 октября 1941 г. дело было направлено военному прокурору.

Обвинительный приговор. Основные пункты обвинения, предъявленные А.А. Андронникову согласно ст. 58 УК РСФСР, были следующие. Пункт 7 – «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций»; пункт 8 – «совершение террористических актов, направленные против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов»; пункт 10 – «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»; пункт 11 – «организационная деятельность, направленная на подготовку или совершению контрреволюционных преступлений».

Несмотря на предъявленные обвинения, подкрепленные свидетельскими показаниями, А.А. Андронников не желал признавать себя виновным. Действительно, обвинение по пп. 7, 8, 10 и 11 УК РСФСР «подрыв, ...совершенный в контрреволюционных целях..., совершение террористических актов..., призыв к свержению, подрыву или ослабление Советской власти..., деятельность, направленная на ... совершение контрреволюционных преступлений» носило явно политический и надуманный характер, и практически не было связано с его профессиональной деятельностью – допущением различных дефектов в ходе строительства зданий и сооружений. Но именно такого рода политические обвинения намечали понятные для сотрудников отделов госбезопасности НКВД направления деятельности.

Надеясь на смягчении своей участи, А.А. Андронников направил заявление на имя генерального комиссара государственной безопасности СССР Л.П. Берия, в котором, в частности отмечалось: «В силу совершенно одностороннего

и пристрастного ведения следствия по моему делу я не мог добиться освещения надлежащим порядком целого ряда моментов, оправдывающих меня, а поэтому лелеял надежду осветить их на судебном следствии... Однако, несмотря на то, что я арестован 24 июня 1941 г., несмотря на то, что следствие по моему делу закончено было еще в октябре 1941 г., мое дело судом не рассмотрено...» [4. Л. 219]. Также он обвинял следствие в использовании ложных свидетельских показаний, в том числе и сокамерников, имевших со строителем личные счёты. «Я, инженер-строитель, работал всегда честно... ни в чем себя виновным не признаю. Считаю, что дело мое стоит того, чтобы Вы лично заинтересовались им для выяснения истины и затребовали его для рассмотрения себе» [4. Л. 219]. Однако уповать на советский суд и советское законодательство, которое являлось «ширмой, декором политического и идеологического диктата» [1. С. 180], в тех условиях было опрометчиво и безрезультатно.

Несмотря на изложенные в письме веские аргументы, его ходатайство было отклонено. Дело А.А. Андронникова было направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, созданного по постановлению ЦИК СССР 5 ноября 1934 г. Этот орган в административном внесудебном порядке мог применить любую меру наказания вплоть до высшей [12. С. 320]. В те суровые годы считалось, что «внесудебная расправа обеспечивает большую четкость и быстроту нанесения удара» [1. С. 189]. 23 сентября 1942 г. на заседании Особого совещания при НКВД СССР А.А. Андронников был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 18 октября 1942 г. Но от родственников этот факт скрывали, сообщив, что он был осужден на 10 лет лишения свободы.

Следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны существовала и получила широкое распространение практика отсрочки исполнения наказаний. Многим осужденным предоставлялась возможность искупить свою вину в бою. Данная практика применялась с 1941 г. не только военными судами, но с 1943 г. и до конца войны она использовалась фактически повсеместно, если речь шла о незначительных преступлениях. Когда осужденные за малозначительные преступления просились на фронт, их заявления, как правило, рассматривались положительно [12. С. 338]. К сожалению, А.А. Андронников из-за тяжести обвинений не мог воспользоваться возможностью отсрочки исполнения наказания.

«Неизвестность...». После смерти И.В. Сталина началась послабление в репрессивной политике. 27 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об амнистии», по которому на свободу вышло более трети заключенных и подследственных кроме «контрреволюционеров», крупных расхитителей, бандитов и злостных убийц, было остановлено производство сотен тысяч дел. У людей появилась надежда встретиться со своими осужденными близкими родственниками.

В 1955 г. сын А.А. Андронникова направил письмо в адрес начальника Главного управления лагерей и колоний МВД СССР, в котором сообщалось: «Мой

отец... был арестован в июне месяце 1941 г..., а потом осужден на 10 лет заключения. Причина ареста мне неизвестна. До 1942 г. он находился в лагере в городе Чебоксары. В 1942 г. я был призван в армию. И с тех пор связи с отцом не имею. В 1950 г. я демобилизовался. Ожидал, что в 1951 г. отец после отбытия срока вернется из заключения. Однако прошло еще три года, но никаких определенных сведений о судьбе отца у меня нет. Такое неопределенное положение весьма тяготит меня. Я не имею возможности дать исчерпывающие ответы на анкетные вопросы, не могу вступить в наследство и тому подобное. У вас имеются сведения обо всех заключенных, находящихся в лагерях и колониях МВД СССР. Убедительно прошу вас сообщить мне сведения о местонахождении моего отца... Если его нет в живых, прошу выслать мне официальный документ, удостоверяющий факт его смерти» [4. Л. 234]. Несмотря на то, что после смерти И.В. Сталина прошло 2 года, органы безопасности продолжали скрывать истину. Возможно, это было связано с тем, что процессы десталинизации и реабилитации политических заключенных в республике начались с опозданием в отличие от центра.

Наконец, 12 февраля 1955 г. КГБ СССР направил данное письмо на рассмотрение в учетно-архивный отдел КГБ Чувашской АССР. КГБ СССР дал следующую установку местным органам: «при подтверждении указанных в заявлении мотивов...оформить регистрацию смерти А.А. Андронникова в ЗАГСе по месту жительства до ареста. О необходимости регистрации смерти Андронникова следует вынести мотивированное заключение... с указанием в нем избранной даты и причины смерти» [4. Л. 232].

24 марта 1955 г. начальником учетно-архивного отдела КГБ Чувашской АССР было составлено заключение относительно данной просьбы сына. В нем, в частности, отмечалось, что «принимая во внимание, что сведения о судьбе Андронникова А.А., осужденного к ВМН (*высшей мере наказания*) необходимы его сыну для оформления записей в правах наследства...полагал бы: зарегистрировать через Управление милиции МВД Чувашской АССР в Чебоксарском городском отделении ЗАГСа смерть Андронникова Александра Андреевича, сообщив им, что он, отбывая наказание в лагерях МВД СССР, 27 марта 1950 г. умер от крупозного воспаления легких, и после получения подтверждения о производстве регистрации смерти сообщить заявителю...» [4. Л. 237]. 15 марта 1955 г. соответствующее указание было направлено начальнику Управления милиции МВД Чувашской АССР. 31 марта 1955 г. Чебоксарское городское бюро ЗАГС официально зарегистрировало смерть А.А. Андронникова, о чем была составлена актовая запись [4. Л. 239]. Хотя в советском обществе начались процессы десталинизации, но карательные органы скрывали реальное положение вещей и вели в заблуждение родственников относительно судьбы их близких в заключении и лагерях.

Таким образом, в годы первых пятилеток в Чувашской АССР, одной из самых бедных и отсталых автономных образований в РСФСР, реализация политики форсированной индустриализации столкнулась серьезными вызовами и проблемами. Дефицит сырья, материалов, техники и оборудования при доминировании ручного труда, неквалифицированных рабочих и авральном характере

организации работ неизбежно вели к срыву в выполнении планов строительства новых предприятий и реконструкции действующих производств. Работы велись по большей части в форме «кампаний», т.е. коротких лихорадочных периодов, когда все силы отдавались выполнению отдельной задачи вместо планомерной деятельности, что придавало жизни завода и стройки сходство с фронтовой, оправдывая еще одну военную метафору – «штурм» [9. С. 43]. Для повседневного сталинизма считалось нормой постоянная борьба за: повышение производительности труда и снижение себестоимости, социалистическое животноводство, повышение идейно-политического уровня коммунистов и беспартийного актива, революционную законность, генеральную линию партии и др. [6. С. 105, 217, 250, 280, 337].

Борьба по определению предполагает поиск врагов и их уничтожение. С этой целью в качестве «подозрительных» в НКВД учитывались 18 категорий населения, представители которых и составляли адресную направленность жертв террора [2. С. 193], и 34 категорий работников, которых запрещали принимать на работу и они подлежали «чистке» [10. С. 279-280]. На выявление виновных в срыве выполнении пятилетних планов были направлены кампании по искоренению «вредительства». В строительной отрасли поводом для репрессий служило обвинение во вредительской деятельности при обнаружении незначительных дефектов при возведении зданий, что подтверждается трагической судьбой инженера А.А. Андронникова. Большинство обвинений против него, как и других руководителей и инженерно-технических работников предприятий и строек, являлось грубой фальшивкой. В обстановке политизации уголовного права, массовой фабрикации дел сотрудниками НКВД-ОГПУ, отсутствия юридического установленного перечня преступлений, подмены законности «пролетарским чутьем» невозможно было добиться справедливого рассмотрения дела в суде, не говоря уже внесудебными органами – «двойками», «тройками», Особым совещанием при НКВД СССР и др. К обвиняемым по политическим мотивам согласно ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР применялись карательные меры вплоть до высшей меры наказания. Но победа над «классовым врагом» вместо решения реальных проблем советского общества обернулась новыми обострениями и вызовами, в конечном итоге развалом и крахом советской системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аврутин Ю.Е.** Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
2. **Багдасарян В.Э.** «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // История сталинизма: сб. ст. / под ред. Н.А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007.
3. **Бойко И.И.** Индустрия и рабочий класс Чувашии за 70 лет // Чувашской АССР 70 лет: сб. ст. Чебоксары, 1990.

4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 4466.
5. История Чувашии новейшего времени. Книга I. 1917-1945 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001.
6. К XVII Чувашской областной партийной конференции. Материалы к отчету Чувашского ОК ВКП(б). Чебоксары, 1933.
7. **Орлов В.В.** Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е гг. XX столетия. М.: Изд-во РГАЗУ, 2009.
8. **Смирнова Н.Б.** Массовые политические репрессии в Чувашии в советской и современной историографии // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 2024. Вып. 7.
9. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
10. **Хаустов В., Самуэльсон Л.** Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
11. **Хлевнюк О.В.** Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
12. **Цечоев В.К.** История органов и учреждений юстиции России. М.: Юрайт, 2013.
13. Чувашия за 50 лет советской власти в цифрах. Стат. сб. Чебоксары, 1967.

V.V. ORLOV

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural
Sciences of the Private Institution of Higher Education «Institute of Public
Administration», Moscow, Russia

SPIN: 6459-7210

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5268-7594>

N.B. SMIRNOVA

Candidate of Historical Sciences, Researcher
of the Section of History of the Historical Direction,
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

SPIN: 4695-9894

ORCID <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>

NEWS ABOUT POLITICAL REPRESSIONS IN CHUVASHIA THROUGH THE PRISM OF THE FATE OF A.A. ANDRONNIKOV, A.A. CIVIL ENGINEER OF THE PEOPLE'S COMMITTEE OF MUNICIPAL SERVICES OF THE REPUBLIC

The purpose of the study is to examine the specifics of repression in the construction industry of Chuvashia through the prism of the fate of its representative, the chief engineer of Chuvashproekt, and later the construction engineer of the People's Commissariat of Public Utilities of the Republic A.A. Andronnikov.

The article is based on the study of scientific literature and archival materials. To reconstruct historical events related to the repression in the construction industry of Chuvashia, an investigative file from the fund of the Ministry of State Security (F.R. 2669), stored in the State Historical Archive of the Chuvash Republic [4], was used. Archival and investigative files (interrogation protocols, indictment, correspondence materials, etc.) allow us to more fully reveal the mechanism for implementing repressive measures and to better understand the problems of mass repression against engineering and technical personnel.

Among the scientific literature used, the most significant for the study were the works of such domestic and foreign historians as V.E. Baghdasaryan, O.V. Khlevnyuk, S. Fitzpatrick, V. Khaustov, L. Samuelson and others, which provide a comprehensive analysis of the repressive policy, mechanisms of interaction and mutual influence of Stalin and the main punitive department of the country – the GUGB NKVD of the USSR in organizing mass repressions, organizing open trials of «saboteurs in agriculture» and in other sectors of the national economy. Individual issues related to the reflection of repressive themes in regional historical literature are considered in the article by one of the authors [8. P. 55-82].

The methodological basis of the study was the principles of historicism, systematicity, objectivity and complexity, as well as general scientific and special historical methods, which made it possible to reconstruct and model the history of repressive policies based on regional material.

The article shows that during the pre-war five-year plans, large-scale construction of industrial and civil facilities was underway in Chuvashia. However, not a single large enterprise was completed on time or reached its design capacity. The unfinished business and defects in the construction industry were systemic in nature, caused by the emergency nature of the work and the «storming» approach, the lack of personnel, materials, equipment and machinery. The authorities saw the reason for the failure to complete the projects on time in the lack of assertiveness on the part of the management, their weak mastery of the technology of organizing the construction of enterprises, in the shortcomings in the selection of engineering and technical personnel and workers, which led to the untimely preparation of design and estimate documentation, obtaining loans, delivery of building materials, and exceeding the estimated cost. For punitive bodies, the main reasons for the failures in the construction industry are the sabotage activities of «enemies of the people». The reason for the repressions against the civil engineer A.A. Andronnikov was accused of «sabotage» after minor defects were discovered during the construction of buildings and structures. «Sabotage at construction sites» along with critical statements about the Soviet government and the leaders of the Soviet state formed the basis of the indictment and the decision of the Special Conference of the NKVD of the USSR to execute him.

Key words: political repression, «sabotage in construction», «enemies of the people», «troika», «former», capital punishment.